

Московский культ, окружавший великих людей

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/amfiteatrov/amfiteatrov_moskov_kult.html

Антон Григорьевич Рубинштейн был типическим человеком "окна в Европу": петербургский житель и заграничный странник. В Москву он наезжал не часто и вряд ли любил ее, хотя был ею обожаем. Его наезды в Москву бывали для нее праздниками. В свои короткие побывки Антон Григорьевич как бы наполнял собой Москву, сосредоточивая на себе все общественное внимание, делаясь воистину временным "властителем дум" первопрестольной столицы. Перебирая в памяти знаменитых гостей "восьмидесятной" Москвы, я припоминаю лишь двух, равно Антону Рубинштейну окруженных московским культом.

Первый - Тургенев, в свой последний, предсмертный приезд оформивший примирение с автором "Отцов и детей" и "Нови" долго дувшейся на него передовой интеллигенции и учащейся молодежи.

Живо помню, как седовласый Тургенев с молодым М.М. Ковалевским и еще с кем-то из университетских профессоров не столько шел, сколько шествовал Пречистенским бульваром к Арбатской площади, и - на пути его - со скамей дружно вставала и шляпы снимала сидевшая публика. Помню концерт в зале Добринской, когда какая-то злополучная певица должна была прервать арию, потому что в зал вошел запоздавший почетный гость, Тургенев, а часть публики, завидев его, повскачила со стульев и разразилась неистовыми рукоплесканиями и восторженным ревом.

Я тоже вскочил и взревел. За что и не замедлил получить жесточайшую гонку от моего юного ментора - дяди, учителя и друга - Вани Чупрова. Самый младший из братьев знаменитого экономиста, Александра Ивановича Чупрова, Ваня, студент-медик, был юноша строгих нравов и нигилистического настроения.

- Сядь и успокойся. Что за безобразие? Куда стадо, туда и ты! Неужели нет догадки, как это бестактно и оскорбительно по отношению к артистке на эстраде и к публике, которая за свои деньги пришла слушать концерт, а не овации вашему Тургеневу. И он-то хорош! Ведь знает, что дура-публика при виде его шалает и не утерпит, чтобы не поднять шума, а входит во время исполнения. Не мог подождать антракта!

Так бывало в этот приезд Тургенева едва ли не всюду, где он появлялся. Помню его в антракте Симфонического собрания стоящим во весь рост, у самой эстрады, окруженным целою свитою московских светил; а в некотором отдалении - второй круг, более обширный, почтительно вззирающих простых смертных. Подле Тургенева, как бы отделяя и заслоняя его собою от прочих сопровождающих, суетился, с видом карнака, показывающего публике ученого слона, подчеркнуто, вызывающе модно франтоватый русский парижанин, архиевропеец, облезло лысый, голова толкачом, "Пьер Бобо". Так звала П.Д. Боборыкина юмористическая печать, добрые полвека обретавшая в этом много читавшемся, но почему-то нелюбимом писателе неистощимую пищу для остроумия. Фамилия Боборыкина так часто и усердно трепалась в газетном и разговорном остроумии, что поэт Пальмин уверял, будто в Москве даже петухи обучились кричать, вместо "кукареку", "боборыку". Моим соседом в толпе созерцателей был какой-то солидный интеллигент "шестидесятного" образа и подобия. Наблюдая боборыкинское первенство в окружении Тургенева, он комически вздохнул:

- Ну, конец! От этого господина старику не отделаться легко: никого не подпустит, - сам заговорит до полусмерти.

Как это ни странно, но за всю свою достаточно долгую карьеру литератора-журналиста я никогда не имел случая лично встретиться с вездесущим П.Д. Боборыкиным. Что он был талантлив как писатель - бесспорно. Что принадлежал к числу наиболее просвещенных представителей русской интеллигенции, тоже едва ли подлежит сомнению, энциклопедист, какой области знания ни коснись. Как о человеке, я никогда не слыхал о нем ничего дурного. В обществе остроумный, занимательный собеседник, присяжный causeur (говорун (фр.)). Политически - гуманнейший либерал, передовой человек, всегда старавшийся идти в ногу с подраставшими поколениями и обыкновенно в том успевавший. Трудно понять, почему, при таком обильном сочетании положительных данных и при огромном успехе у большой публики, Боборыкин прожил свой очень долгий литературный век в трагикомическом положении какого-то полу признанного, случайного корифея-заместителя на пустующей вакансии. Может быть, виноваты в том резво талантливые критики-зубоскалы 60 - 70-х годов, столь усердно